

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

И.И. БАРИНОВ

Воображаемая история? (Украинский национализм, Третий рейх и современная украинская историография)

В статье описывается роль немецкого национализма в формировании мировоззрения украинских националистов, их отношения с нацистами, а также формы их участия во Второй мировой войне. Автор анализирует оценку этой проблематики в современной украинской историографии, выделяя неоднозначные формы презентации российско-украинских и немецко-украинских отношений.

Ключевые слова: украинский национализм, нацизм, коллаборационизм.

The article the role of German nationalism in shaping the world-view of Ukrainian nationalists, their relationship with the Nazis as well as the forms of their participation in World War II are studied. The author analyzes the evaluation of these relationships in the modern Ukrainian historiography, highlighting the mixed form of representation of the Russian-Ukrainian and German-Ukrainian relations.

Keywords: Ukrainian nationalism, Nazism, collaboration.

История отношений между двумя наиболее многочисленными народами Российской империи и Советского Союза – русскими и украинцами, между Россией и Украиной являются важнейшей составной частью отечественной истории, а проблема исследования этих отношений имеет важное, во многом принципиальное значение для российской исторической науки, для исследования развития российской цивилизации. Если в эпоху Киевской Руси история восточных славян, из которых впоследствии сформировались русский и украинский этносы, была единой, то после татаро-монгольского завоевания в XIII в. произошла своеобразная дивергенция исторического развития русских и украинцев. Правда, на протяжении многих веков она сочеталась с конвергенцией, с тесным взаимодействием двух народов в рамках единого государства.

После распада СССР и образования двух независимых государств – Российской Федерации и Украины – переосмысление истории отношений между русскими и украинцами интенсифицировалось, особенно в современной украинской исторической литературе. При этом на первый план нередко выходит трактовка в духе радикального украинского национализма, призванная не просто обосновать право существования Украины как самостоятельного и независимого государства, но изобразить Россию как извечного врага Украины.

Термин “национализм” прочно закрепился в научном и политическом лексиконе с серединой XIX в., став одновременно предметом социального дискурса и пропагандистского осмысливания. Это относится и к украинскому национализму, который начал формироваться в середине XIX в. в Галиции на территории Австро-Венгерской империи, в основном очаге становления современной украинской культуры. Исторический генезис украинского национализма, бесспорно, заслуживает отдельного рассмотрения, а изучение последствий его распространения на современной Украине представляются чрезвычайно актуальными. Данная статья, однако, ставит

Баринов Игорь Игоревич – аспирант кафедры отечественной истории XX–XXI вв. Исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

целью прежде всего рассмотрение роли украинских националистов в событиях Второй мировой войны и ее оценку в различных исторических работах.

Украинский национализм и идеи нацизма

После окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгерской империи украинский национализм всего за одно десятилетие трансформировался в агрессивную шовинистическую идеологию. Его главной проблемой при этом было отсутствие идеологической однородности доктрины. Это заставило его творцов обратиться к опыту итальянского фашизма и германского нацизма. По мере вхождения в орбиту влияния германского национал-социализма, украинский национализм вбирал в себя различные элементы его политической доктрины. Украинские националисты переняли ненависть нацистов к евреям, а негативное отношение немцев к славянам сублимировалось в нелюбовь к полякам и фантастическую нетерпимость к русским. Призывы к образованию независимой украинской державы обосновывались стремлением как можно дальше дистанцироваться от “нецивилизованной” и “дикой” России и сблизиться с цивилизованной Европой [Ukraina... 1918, S. 23]. На свет были извлечены старые наработки относительно противостояния нахождения Украины в границах Российской империи. В условиях послепреволюционной реальности все обвинения в адрес монархии экстраполировались на Советский Союз, который в глазах нацистов являл собой расово-политический организм, не совместимый с арийским духом [Leibbrandt, 1938, S. 11].

Украинские националисты наложили эти идеи на уже опробованные лозунги об Украине как “бастионе против азиатских орд” [Der Weltkrieg... 1915, S. 20] и о преимуществе украинской демократической идеи перед “абсолютизмом московитов” [Ukraina... 1918, S. 34], выдвинули новые тезисы об украинце-землемельце и воителе, “сдвинувшем границу Европы на Восток” [Ukraine... [1938], S. 4], и о решающей роли украинцев как защитников Европы от коммунистической угрозы [Ukraine... 1933, S. 5–7]. Недаром в июне 1941 г. вместе с наступающими частями вермахта на территорию СССР вошли и отряды украинских националистов, которые на протяжении последующих трех лет фактически терроризировали местное украинское население в оккупированных нацистами областях, а после окончания Великой Отечественной войны сделали ставку на неминуемую, по их расчетам, третью мировую войну и “победу в ней англо-американского блока” [Коваль, 1994, с. 47]. Принципиальное неприятие украинскими националистами Российской империи и СССР, а также русских отчасти стало следствием влияния зарубежных групп интересов, заинтересованных в их деятельности, отчасти – попытками создать собственную цельную идеологию на основе неких ментальных ориентиров и антitez.

Украинские националисты: против кого дружим?

Можно сказать, что уже в годы Первой мировой войны и сразу же после ее окончания украинский национализм сформировался в том виде, в каком он проявил себя в последующем. Украинская политическая доктрина еще во время противостояния большевиков и Украинской народной республики была полно изложена украинским правоведом, историком и политиком, членом Центральной рады и будущим профессором Украинского свободного университета в Праге К. Лосским. По его словам, на фоне безмерно глубоких различий украинцев и русских, обостривших их имперские отношения “доминирования–подчинения” между Россией и Украиной, максимализм большевиков привел к тому, что умеренные националисты, которые сразу после Октябрьской революции были готовы создать некую федерацию с Москвой, оказались вовлечены в резко националистическую политику и выработали изоляционистский дискурс. Страны Антанты, не уделявшие должного внимания украинскому вопросу и созданию на Украине буферного государства между советской Россией и европейскими государствами, потеряли, по его словам, важный плацдарм [Losky, 1919, р. 3–10]. В этих условиях активизировались старые связи украинских националистов и их ориентация на бывшие Центральные державы (Германию, Австрию).

В этих странах продолжился выпуск различной пропагандистской литературы украинских националистов, начали создаваться националистические эмигрантские организации. Как считал британский историк Х. Ваулз, представители подобных организаций, в первую очередь профессора литературы и языкоznания, интеллигенция, акцентировали внимание на самых незначительных различиях между Россией и Украиной и не гнушались фальсификацией истории, чтобы “создать чувство неприязни по отношению к великороссам и их культуре” [Vowles, 1939, р. 83]. Так, в 1920 г. в Германии и Праге (бывшая территория Австро-Венгрии) образовались Украин-

ский союз хлеборобов-державников и Украинская воинская организация (УВО), в 1925 г. – Лига украинских националистов, в 1932 г. – Украинское народное казацкое движение. Из указанных объединений ведущее положение занимала УВО, в которую входили многие бывшие офицеры – чины Сечевых стрельцов и Украинской Галицкой армии, защищавшей недолго существовавшую Западно-Украинскую народную республику. А в 1926 г. появляется программное сочинение украинского национализма, ставшее его квинтэссенцией, – книга Д. Донцова “Национализм”, в которой он скомпоновал старые чаяния украинистов и веяния нового, интегрального национализма [Lami, 2008, р. 72].

Теперь борьба за самостоятельность получила теоретическое обоснование. В феврале 1929 г. в Вене Лига украинских националистов и Украинская воинская организация объединились в ОУН (Организацию украинских националистов). С этих пор в широчайшей гамме публикаций украинских авторов – сторонников национализма – появляются указания на избранность Украины, ее превосходство над окружающими странами и народами, в частности, на исконный, древнейший характер ее культуры, связь с античными цивилизациями. Отчуждению и снижению подверглись образы Польши и России. “Демократия и жизнелюбие роднили украинцев с древними народами” (читай – древними греками), большевизм же, импортируемый из “Московии”, на Украине был “чужд национальности” [Memorandum... о.ж., S. 2, 8]. Русские обвинялись в том, что “торговали территорией Украины” [Біланич, 2004, с. 27]. Позднее им ставилось в вину непризнание способности украинцев к созданию собственной государственности [Subtelny, 1988, р. 52]. Украинцы как нация ставились выше поляков. Именно украинская нация, по мнению Н. Михновского, “уничижила польскую державу” (см. [Mірчук, 1960, с. 29]).

Было бы наивно полагать, что такая активная общественно-политическая деятельность украинских эмигрантов осталась без внимания зарубежных государственных структур. УВО и другие подобные организации попали в поле зрения властей Веймарской республики еще в первой половине 1920-х гг. Заместитель руководителя УВО Е. Коновальца Р. Ярый был связником между УВО и рейхсвером, а также агентом германской разведки [РГВА, ф. 1358к, оп. 1, д. 261, л. 6, 9]. Что любопытно, украинские авторы в какой-то мере осознавали намерения Германии поставить Украину в зависимое положение и сделать ее резервуаром для собственных ресурсов, однако, вероятно, были готовы поступиться этим ради обретения государственности и даже “подыгрывали”, отмечая, что “трудно представить более приспособленные друг для друга страны, чем Украина и Германия” [Daskaljuk, 1922, S. 11, 23].

В те же 1920-е гг. Украиной заинтересовались теоретики НСДАП. Союз хлеборобов был связан с организацией “Возрождение” (“Aufbau”), которой руководил М. Шойбнер-Рихтер, один из видных деятелей раннего нацизма, погибший во время Пивного путча 1923 г. Развивая провозглашавшиеся на митингах идеи А. Гитлера об усилении Германии за счет восточноевропейских территорий, один из идеологов партии А. Розенберг предложил план будущего сотрудничества между Берлином и Киевом [Rosenberg, 1927, S. 97]. После прихода в Германию к власти нацистов в 1933 г. украинскими националистами заинтересовались спецслужбы Третьего рейха. Состоялась встреча Коновальца с представителями гестапо и внешнеполитического отдела НСДАП. Украинским националистам стала оказываться финансовая и техническая поддержка, что порождало у лидеров ОУН полную иллюзию полноценного сотрудничества [Lami, 2008, р. 74]. При этом нацисты относились к своим украинским подопечным в целом скорее снисходительно, нежели серьезно; однако в преддверии расширения “жизненного пространства германской нации” на Восток, декларированного Гитлером, предпочли держать украинские кадры наготове [Vowles, 1939, р. 155].

Нужно подчеркнуть, что дискурсивные практики, формы презентации образа России–СССР, как и научные характеристики нашей страны, были переняты нацистами ученых кайзеровского периода. Старые политические технологии, использованные в борьбе против России во времена Германской империи, Третий рейх успешно перенял, по сути, только усилив их и перестроив под соответствующую конъюнктуру. Появился поток пропагандистских публикаций, которые были буквально калькированы с материалов времен Первой мировой войны. Важную роль в них занимал образ Украины. Но особого внимания перестройкам в идеях украинских националистов не уделялось.

В 1938 г. под Берлином появились тренировочные центры украинских эмигрантов для подготовки кадров потенциальной “пятой колонны” на случай начала боевых действий против СССР [Wilson, 1997, р. 48]. В 1939 г. 250 украинских добровольцев прошли специальную подготовку в учебно-тренировочном лагере под Дахштайнем, а зимой 1940–1941 гг. 2-й отдел абвера сформировал в лагере Нейхаммер батальон из бывших военнослужащих польской армии, украинцев по национальности, имевших хорошие боевые навыки. Этот батальон

получил наименование “Нахтигаль” (“Соловей”) и отличался от старых немецких “синежупанников”¹.

На момент присоединения к СССР территории Западной Украины ОУН находилась в упадке. После гибели Коновальца ведущую роль в ней играли представители умеренного крыла партии под руководством умеренного А. Мельника, что вызвало резкое неприятие радикальной части ОУН во главе со С. Бандерой. Практически все время действия советско-германского пакта 1939 г. прошло у украинских националистов под знаком внутрипартийной борьбы за власть. Во внешней политике тем не менее и Мельник, и Бандера продолжали ориентироваться на Германию, не видя иного союзника, способного поддержать начинания ОУН.

Общемировая политическая конъюнктура интересовала украинских националистов ровно настолько, насколько она могла способствовать воплощению их требований относительно украинской государственности. Вторая мировая война, начавшаяся как империалистическая, не рассматривалась националистами в качестве таковой. Вместе с тем столкновения Германии с Великобританией и Францией и потенциально – с СССР привлекали внимание членов ОУН к Германии. Это было обусловлено желанием националистов получить определенную выгоду для украинского движения. Германские власти, изначально наблюдавшие за деятельностью ОУН, как считает польский историк Р. Тожецкий, “просто из-за факта заинтересованности Востоком” [Torzecki, 1972, S. 119], со временем пришли к мысли о возможности тактического союза с украинскими националистами, что позволило бы немцам укрепиться на Украине. В мае 1940 г. в Кракове был создан подконтрольный нацистам Центральный Украинский комитет, призванный координировать деятельность всех националистически настроенных украинских организаций.

Однако немецкое командование не учло изменившуюся со временем Первой мировой войны позицию украинских националистов, которые не мыслили свое участие в войне без обеспечения независимости Украины. Отношения немецких руководителей с украинскими националистами не заладились с самого начала кампании на Востоке. Вступивший 30 июня 1941 г. во Львов батальон “Нахтигаль” под командованием Р. Шухевича провозгласил создание независимой Украинской державы, а заместитель Бандеры Я. Стецько был объявлен премьер-министром Украинского государственного правления (Українського Державного Правління). Немецкая администрация на Украине, рассматривавшая действия украинцев исключительно в контексте общей политики рейха, потребовала от руководства ОУН сдать полномочия, а после получения отказа 5 июля арестовала Бандеру и Стецько. 10 июля были арестованы остальные члены несостоявшегося украинского правительства. Тем не менее отряды Шухевича продолжили сотрудничество с немцами: с каждым бойцом сформированного 201-го батальона охранной полиции (*Schutzmannschaft, Shuma*) был заключен годичный контракт на военную службу (1 декабря 1941–1 декабря 1942 г.), а в марте 1942 г. они были переведены в Белоруссию, где участвовали в антипартизанских акциях.

В ноябре 1942 г. личный состав 201-го батальона был задержан СД во Львове. По официальной версии, часть бойцов вместе с командиром Шухевичем отказались повиноваться немецкому командованию и ушли в Карпаты, где началось формирование Украинской Повстанческой армии – УПА, якобы сражавшейся как против немцев, так и против Красной Армии. Другая же часть была вскоре освобождена и впоследствии влилась либо в УПА, либо в дивизию СС “Галичина”.

Высшие руководители рейха уделяли внимание будущему Украины и украинского народа. Однако они не смогли прийти к единому мнению по этому вопросу. Западные исследователи (например, Р. Ильницкий) выделяют две главные политические программы: концепцию Розенберга (и его ближайших сотрудников Г. Лейбенштадта и О. Брайтигама) и концепцию Гитлера (на его стороне выступили Г. Геринг, Г. Гиммлер, Э. Кох и М. Борман). Розенберг предусматривал проведение двух главных преобразований – предоставление Украине автономии и превращение национального украинского государства в союзницу Германии и противовес “государству национальностей” России [Ilynytskyj, Bd. 1. 1955, S. 2, 7]. Еще в 1927 г. он указывал на то, что “союз между Киевом и Берлином и проведение общей границы станет национальной и государственной необходимостью будущей немецкой политики”. Он предлагал, опираясь на антисоветски настроенных украинских политиков, “поддержать украинскую национальную революцию против большевистской Москвы” [Rosenberg, 1927, S. 97, 98]. Это его суждение значительно позже отразится в директиве 1941 г. по обращению с местным населением на Востоке, в которой говорилось, что “у немца в России, как нигде больше на оккупированных территориях Европы, есть удобный повод быть добровольно признанным населением в своей претензии на главенство” [РГВА, ф. 1358к, оп. 4, д. 1. л. 12].

В восточной политике Розенберг проявлял себя противоречиво. С одной стороны, он ратовал за приздание Украине особого автономного статуса, выделение ее как отдельной хозяйствен-

¹ По цвету формы армии украинских националистов С. Петлюры.

ной и политической единицы для создания противовеса Советскому Союзу. С другой стороны, рейхсляйтер в своем меморандуме от 2 апреля 1941 г., относящемся к актам уполномоченного по изучению проблем Восточной Европы, отмечал, что Украина “образует дополнительную базу снабжения для Великогерманского рейха” [Fall... 1969, S. 295], то есть соглашался с экономическим аспектом оккупационной политики.

Свое мнение, частично схожее с мнением Розенберга, выдвинул Брайтигам, руководящий работник министерства по делам оккупированных восточных областей. В меморандуме, написанном за неделю до вторжения немецких войск на территорию СССР, Брайтигам говорил, что на Востоке немцы должны стать освободителями, а не эксплуататорами, а сама война против Советского Союза должна носить характер политической кампании, а не экономического рейда. В дальнейшем Брайтигам предлагал создать на Украине правительство по типу правительства Виши во Франции [Steinberg, 1995, p. 626–627]. Однако эти планы не нашли одобрения Гитлера, который был куда более категоричен в данном вопросе. Еще в “Моей борьбе” он обозначил свое мнение по поводу принципов государственности и хозяйствования таким образом, что “хозяйство никогда не является ни первопричиной, ни целью государства, поскольку, конечно, данное государство с самого начала не построено на фальшивой и противоестественной основе” [Hitler, 1939, 154–155]. Поэтому с самого начала он рассматривал Украину лишь как будущую колонию немцев и не вдавался ни в политические, ни в экономические детали, считая, что ко всем оккупированным восточным территориям “следует относиться одинаково, не делая различий” [Ilnytzkyj, Bd. 1, 1955, S. 26].

Эту позицию можно проследить и в замечаниях по генеральному плану “Ост”, составленных 27 апреля 1942 г., согласно которым бывшие советские Житомирская, Каменец-Подольская и частично Винницкая области рассматриваются в качестве территории для заселения немцами. В замечаниях также указывалось, что по плану РСХА на территории Сибири должны были быть переселены 65% населения Украины [Ни давности... 1983, с. 183, 187]. На их место планировалось заселить 15–20 млн немцев [Torzecki, 1972, S. 251], причем каждому из них полагалось от 40 до 125 га земли. Несмотря на тяжелое положение на советско-германском фронте, в особенности после разгрома вермахта под Сталинградом, колонизационная политика нацистов продолжала осуществляться. Как следует из уведомления о докладе начальника переселенческого бюро штандартенфюрера СС Ф. Генгеля от 21 февраля 1943 г. по поводу создания поселений в районе ставки Гитлера под Винницей, “в каждом переселенческом районе должно быть выселено 58 тыс. украинцев и вселено 12–14 тыс. фольксдойче. При выселении надо иметь в виду, что потребуется использование местных жителей для устройства работ” [Винница... 1971, с. 52–53].

Вместе с тем планировалось всячески ограничивать местное украинское население, оставшееся на Украине. По указу рейхскомиссара Коха от 20 февраля 1942 г. украинцам разрешалось занимать административные должности только в сельской местности. Не секрет, что Кох скрупался по поводу заявлений специалистов министерства Розенберга о принадлежности украинцев к германской расе. По его мнению, неприятное впечатление производило то, что “украинский народ изображается обладающим большой долей германской крови, чем должны объясняться его значительные культурные и научные достижения” [ГАРФ, ф. Р7021, о. 148, д. 217, л. 28]. 22 июня 1942 г. вышла секретная директива высшего руководителя СС и полиции на Украине, в которой подчеркивалось, что “украинцы нуждаются в руководстве ими. Их история свидетельствует о том, что они еще не подготовлены к самостоятельности” [Семиряга, 2000, с. 380].

Командующий тыловыми войсками на Украине К. Китцингер выразился напрямик: в секретном циркуляре от 25 июля 1942 г. он приказывал по возможности избегать “внесслужебных, личных сношений с гражданским населением”, так как они таят в себе опасность для немцев, а сам украинец “есть и будет по существу нам чужд. Всякая доверчивость к украинцам и необоснованный интерес к их жизни и культуре ослабляют те черты немецкой сущности, благодаря которой Германия достигла своей силы и могущества” [ГАРФ, ф. Р7021, оп. 148, д. 33, л. 10–11]. Широко известна и фраза Коха о том, что немецкая армия призвана “не осканчивать украинский народ, а подчинить его немецкому порядку” [Torzecki, 1972, S. 269]. В конечном итоге в области государственной политики по отношению к украинцам победила “немецкая” партия, а один из главных “украинофилов” в аппарате Розенберга, Лейбрандт, был вынужден даже уйти в отставку.

Историография как способ конструирования коллективной памяти

Недавно в современной украинской историографии Великой Отечественной войны стали появляться новые тенденции. Ее трактовки разительно отличаются от традиционных советских не только применительно к оценкам периода немецкой оккупации Украины, но и по поводу характера войны в целом: в частности, утверждается, что советский режим был едва ли не хуже, чем нацистская оккупация.

Говоря о развитии современной исторической науки на Украине, следует отметить: некоторые украинские исследователи не упускают случая подчеркнуть, что с провозглашением независимости Украины преподаватели и ученыe стали возрождать традиции украинской исторической школы. Оккупация Украины и борьба ее населения против захватчиков теперь рассматривается не как составная часть Великой Отечественной войны, а в более широком контексте Второй мировой войны. Также отмечается, что возвращение народу его исторического наследства как основы развития национального самосознания ставит перед историками новые задачи. Под этим лозунгом началось фактическое восхваление и оправдание действий ОУН и УПА. Украинские историки делают акцент на том, что солдаты УПА и дивизии СС “Галичина” сражались за свою родину и поэтому несправедливо именовать их лютыми врагами украинского народа, как это делалось в советской историографии.

Яркий пример современной украинской националистической исторической мысли – статья историка В. Милусы “Украинцы во Второй мировой войне”. Он пишет: “Мы, украинцы, на фоне противостояния двух систем – немецкого фашизма и российского большевизма – оказались в очень сложном положении, поскольку и немецкий фашизм, и российский большевизм были одинаково губительны для нас. Так как мы не имели собственного государства, перед каждым украинцем встал вопрос: на чьей стороне быть?” [Милуса, 2005, с. 57]. В дальнейшем автор развивает мысль о том, что Украина в годы Второй мировой войны оказалась, образно говоря, между молотом и наковальней, и именно ОУН и УПА стремились найти выход из сложившегося положения. Нужно отметить, что эта метафора, озвученная еще на III конференции ОУН в феврале 1943 г., также фигурирует и у американского историка украинского происхождения Т. Гунчака, который подчеркивает, что представители ОУН–УПА склонились к сотрудничеству с Германией, так как считали ее меньшим злом [Hunczak, 1993, р. 98, 100].

В целом действия украинских националистических формирований именуются в статье Милусы “героической страницей национально-освободительной борьбы украинского народа”. Оценка событий Великой Отечественной войны, в том числе и немецкой оккупации в современной украинской историографии, несомненно, неоднозначна, но местами носит явно политизированный характер, поскольку в исследованиях присутствуют такие категории, как “большевистские оккупанты” и “большевистская Москва”. По мнению автора, украинская нация может эффективно развиваться только в условиях национальной независимости, и, соответственно, действия ОУН и УПА представляются оправданными, необходимыми и вроде как само собой разумеющимися. Стоит упомянуть и о сомнениях Милусы по поводу того, действительно ли «самая кровопролитная война за всю историю человечества была для его народа “Великой Отечественной войной”», поскольку после освобождения от немецких захватчиков Украина попала «“под тоталитарной режим “империи зла”» [Милуса, 2005, с. 54–55, 57, 59].

Как отмечает российский историк Н. Копосов, основой для появления подобного дискурса в современной украинской исторической науке стал “вдохновлявшийся идеальным образом Запада проект будущего”, в соответствии с которым Украина смогла бы присоединиться к общей исторической памяти Европы. Однако построение национальной идеи на “интеллектуальных моделях XIX века” с использованием антисоветского политического инструментария привело к тому, что общество на Украине оказалось фактически расколото [Копосов, 2011, с. 68–70, 72]. К примеру, многие жители Восточной и Южной Украины, сохранившие приверженность советской системе ценностей, подвергались остроклизму как сторонники авторитарной московской власти.

Вместе с тем было бы несправедливо оценивать украинскую историографию как сплошь националистическую. Вполне профессиональный и адекватный подход можно видеть в работах М. Коваля, А. Лисенко, В. Нестеренко, И. Ветрова. Так, Коваль, ведущий научный сотрудник Института истории АН УССР, а впоследствии НАН Украины, после распада СССР старался одновременно отойти от коммунистических позиций в освещении истории и даже пытался критиковать их, не уступая при этом напору национализма. В своей брошюре “Украина во Второй мировой и Великой Отечественной войнах” он дает адекватную трактовку исторических фактов, не делая никаких перегибов ни в сторону национализма, ни в сторону советских традиций. В самом названии брошюры Коваль оставляет открытым историографический вопрос о том, в чем же принимала участие Украина – в Великой Отечественной или во Второй мировой войне [Коваль, 1994].

Работы Лисенко, Нестеренко, Ветрова представляют украинскую историографию Великой Отечественной войны в совершенно другом свете. Они опубликованы в сборнике “Архивы оккупации 1941–1944 гг.”, представляющем собой аннотированный список фондов государственных архивов Украины, и являются как бы дополнением к нему. Надо отдать должное авторам, которые, характеризуя некоторые неоднозначные и подчас противоречивые вопросы, – такие как нацистское видение будущего украинских земель и финансовая политика на оккупирован-

ной территории Украины, – не бросаются в крайности, как это делается в современной националистической украинской историографии, а подходят к освещению событий с точки зрения исторического объективизма и исторического анализа архивных источников [Лисенко, Нестренко, Ветров, 2006].

В современной украинской исторической науке последние годы не утихает дискуссия о роли украинского народа в войне против Германии. Милусь поднимает вопрос о том, почему оцениваются только потери красноармейцев и игнорируются потери других воюющих сторон, имея в виду Украинскую повстанческую армию и украинскую дивизию СС “Галичина”. Неясно, как это может быть связано с потерями в Великой Отечественной войне. Бойцы УПА, которые присягали “бороться за полное избавление украинских земель и украинского народа от захватчиков” [Милусь, 2005, с. 54, 57], воевали первоначально на стороне вермахта. Таким образом, они, как и военнослужащие дивизии “Галичина”, фактически боролись за приведение в жизнь планов по истреблению украинского народа.

Попытка представить Шухевича, Бандеру или Стецько мучениками за создание украинской государственности несостоятельна, поскольку их деятельность можно расценить как сотрудничество с нацистами, намеревавшимися превратить Украину в одну из восточных колоний Германии. Однако дело не только в этом. Современные украинские историки в своих исследованиях все чаще представляют советских воинов-украинцев и партизанов-украинцев чуть ли не предателями своей родины, поскольку они воевали за советскую власть, а значит – за большевистскую диктатуру.

Коваль, критикуя современных украинских историков – как своих соотечественников, так и эмигрантских исследователей, – призывает согласиться, что на стороне советской власти советские воины и партизаны-украинцы защищали свою землю “от наипаснейшего захватчика, который посягал на самые основы украинской нации” [Коваль, 1994, с. 26]. Получается, что, критикуя украинцев, сражавшихся за “большевистскую тиранию”, украинские историки, оправдывающие ОУН и УПА, занимают одностороннюю позицию и замалчивают то, что националисты, по сути, сотрудничали с представителями другой тирании – немецкими захватчиками, которые равным образом осуждаются как враги независимой Украины².

Современные украинские исследователи предлагают свою трактовку геноцида украинского народа, указывая прежде всего не на немецкую оккупацию, а на карательные экспедиции войск НКВД на Западной Украине и голодомор 1932–1933 гг. Подчеркивается, что “Украина не была равноправна с Россией. Это были отношения метрополии с колонией, потому ни Россия, ни СССР не могут называться Отчизной для украинцев” [Милусь, 2005, с. 55]. Не нужно, однако, забывать, что РСФСР и другие республики, которые во время Великой Отечественной войны были заняты оккупантами, понесли не меньший урон, чем Украина. Кроме того, нацистская идеология сама по себе была нацелена на уничтожение и порабощение украинского народа. Поэтому уравнивать события 1932–1933 и 1941–1944 гг. некорректно.

В целом стоит отметить, что противоречивая ситуация в нынешней украинской исторической науке складывается из-за утраты советских исторических традиций и невозможности обретения новых адекватных ориентиров ввиду нынешней общественно-политической нестабильности на Украине. Важную роль играет и попытка многих украинских исследователей создать новую официальную историческую доктрину с целью дистанцироваться от общего с Россией исторического прошлого. Так противоречия между предками русских и украинцев, зародившиеся сотни лет назад, в те годы, когда ни России в современном понимании слова, ни тем более Украины еще и в помине не было, стали хорошей почвой для реализации политических интересов тех, кто не заинтересован в сплоченности восточнославянских народов. Общеславянский менталитет подменен набором не существовавших в прошлом националистических идеологических принципов и психологических установок и догм, направленных на разграничение и разобщение жителей русских и украинских земель.

Открещиваясь от обвинений в предательстве, националисты выдают своих предшественников или за патриотов Украины, или за доблестных бойцов с разного рода оккупантами, или за правозащитников. Такие реальные исторические феномены, как национал-социализм и Третий рейх, подменяются лубочными картинками и переходят в разряд стереотипов. Однако заложенные еще в австро-венгерские времена ментальные “бомбы” замедленного действия, впоследствии модернизированные нацистами, продолжают время от времени напоминать о себе, выливаясь в конфликты и провокации как во внешней политике Украины, так и в ее внутренних делах.

² В советской же историографии члены ОУН воспринимались не иначе, как “фашистские наймиты”.

